
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ АРХАИЗМОВ И ИСТОРИЗМОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ*

Л.М. Кольцова, Т.Ю. Кудрявцева, С.А. Чуриков

Кафедра русского языка
Филологический факультет
Воронежский государственный университет
пл. Ленина, 10, Воронеж, Россия, 394006

В статье впервые рассматривается региональный литературный материал, который необходимо использовать в практике преподавания русского как иностранного. Авторы анализируют фрагменты произведений А.В. Кольцова, И.С. Никитина и И.А. Бунина, знакомство с которыми необходимо студентам-иностранцам для расширения своих представлений об истории России и русской культуре. Эти представления формируются путем анализа устаревшей лексики.

Ключевые слова: лингвокультурология, лексикология, региональная культура, архаизмы, историзмы, русский как иностранный

Диалог культур и взаимодействие народов в современных условиях невозможно без глубокого и правильного понимания тех смыслов, которые на протяжении многих десятилетий складываются и реализуются в единицах языка, особенно в слове, собирающем универсальные и уникальные представления о мире. Именно поэтому уровень владения русским языком иностранными студентами во многом определяется их знаниями в области русской истории и культуры. Культурологическая составляющая, предполагающая глубокое понимание мира носителей языка, наряду с собственно языковой и коммуникативной признается сегодня одной из ключевых при обучении русскому языку как иностранному.

Особенно благодатный материал предоставляет краеведческая тематика, обращение к которой позволяет обучающимся не только развивать и совершенствовать речь, но и активизировать, углублять и систематизировать знания по русскому языку, одновременно расширяя свои знания о разнообразии и богатстве культуры, в том числе и языковой, которая составляет региональный компонент культуросферы.

Следует обратить особое внимание на то, что естественное желание и стремление «усмотреть русский народ в непосредственных проявлениях его духовной жизни» (А.А. Шахматов) зачастую сопровождается и рядом вполне понятных, закономерных трудностей лингвистического характера. Работая с материалами (печатными, аудио- или видеотекстами), посвященными истории Воронежа — одного из старинных русских городов, — студенты сталкиваются с новыми, неясными для них словами и выражениями, вышедшими из активного употребле-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Большой словарь историзмов и архаизмов русского языка»), проект № 14-04-00347.

ния и, следовательно, нуждающимися в лингвистическом комментарии. Так, знакомство с жизнью города в XVII—XVIII вв. невозможно без знания следующих слов и стоящих за ними реалий:

верфь — место постройки и ремонта кораблей;

воевода — в Древней Руси начальник войска, а также области;

галера — деревянное гребное судно;

«**Гото Предестинация**» (или «Божье Предвидение») — первый линейный корабль Российского военно-морского флота, построен на верфи в Воронеже;

колыбель — 1) качающаяся кроватка, в которой укачивают ребенка; 2) место возникновения чего-либо;

Петр I (1672—1725) — русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г., полководец, флотоводец;

пушкари — группа военно-служилого населения России в XVI—XVII веках, обслуживавшая пушки;

слобода — название различных поселений в Русском государстве XI—XVII вв., население которых освобождалось от повинностей (имело свободы);

стрельцы — в XVI—XVII вв. постоянное русское войско. В 1698 году оно было сформировано Петром I в связи с созданием регулярной армии.

Именно эта лексика, ее лингвистический и культурологический анализ позволяет сформировать у иностранных студентов представление о том, какое место занимает Воронеж в истории становления России, будучи колыбелью российского флота. Таким образом, студенты имеют счастливую возможность узнать интересные факты из истории региональной культуры.

Не менее важным является знакомство студентов с произведениями художественной литературы. Так, знакомясь с культурой Воронежской области, иностранные студенты неизбежно обращаются к творчеству классиков русской литературы — А.В. Кольцова и И.С. Никитина, И.А. Бунина и А.П. Платонова, которые кровно связаны с Воронежской землей.

Когда говорят о Воронежской области как о литературном крае, в первую очередь вспоминают имя А.В. Кольцова, чьи стихотворения выдержали испытание временем и навсегда вошли в сокровищницу лучших образцов русской поэзии.

Одним из обязательных условий знакомства с произведениями А.В. Кольцова для студентов-иностранцев, для формирования у них представлений о его мироощущении, образе жизни, окружающей поэта обстановке должно стать обращение к устаревшей лексике, используемой в его поэзии. Ее лексико-семантический анализ важен для углубления представлений иностранных студентов о русской культуре, традициях и обычаях, характеризующих наш прежний быт, нравы, обычаи и привычки, что имеет большое культурно-историческое значение. «Словарное предъявление пласта историзмов среди богатств лексики русского языка имеет общественно-научную значимость, поскольку именно слово вбирает в себя национальную историко-культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение», — отмечают составители Словаря русских историзмов [11. С. 3].

Наблюдения над словарным составом произведений А.В. Кольцова дают богатый материал для расширения представлений о путях развития языка и эстетических свойствах его элементов [7; 8].

Одним из стихотворений, в котором широко представлены реалии крестьянской жизни XIX в. и которое интересно в историко-культурном и лингвопоэтическом аспектах и поэтому может быть всесторонне проанализировано в ходе изучения поэтического наследия А.В. Кольцова, является, на наш взгляд, стихотворение «Женитьба Павла» (1836 г.) (1):

Павел девушку любил,
Ей подарков надарил:
Два аршина касандрики,
Да платок, да черевики,

Да китаечки конец,
Да золоченый венец;
Она стала щеголиха,
Как богатая купчиха.

Плясать в улицу пойдет
Распотешит весь народ;
Песни ль на голос заводит —
Словно зельями обводит.

Одаль мѳлодцы стоят,
Меж собою говорят:
«Все мы ходим за тобою:
Чьей-то будешь ты женою?»

Говорите. Сам-третей,
Запряг Павел лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-где зиму волочился.
И, разгорившись казной,
К весне едет он домой;
В гости рѳдных созывает,
Свахой тетку наряжает...

Большой выкуп дал отцу;
Клад достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Две недели пировали.

Здесь в специальном лингвистическом комментарии нуждается практически каждое слово. Для этого (как, впрочем, и для анализа значений историзмов и архаизмов, употребляемых в других произведениях поэта) можно обратиться к данным следующих классических и современных словарей [2—5; 10—13], общая характеристика которых дана в работе [1].

В стихотворении обращают на себя внимание *собственно историзмы* (слова, обозначающие вышедшие из современной жизни предметы, явления, профессии) и *семантические историзмы* (вышедшие из употребления значения многозначных слов, называющих исчезнувшие предметы, явления), образующие несколько важных тематических групп.

1. Слова, называющие единицы измерения:

аршин (татарск.) — погонная мера, четыре четверти (пяди), по четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча; вольный шаг человека; 21/3 русского или английского фута; русская мера длины, равная 0,711 метра, применявшаяся до введения метрической системы;

конец — (спец. в торговле) — отдельный кусок, штука материала (ткани, веревки) определенной длины.

2. Историзмы, называющие предметы одежды, ткани:

черевики — женские сапожки, обычно остроносые и на каблуках; вообще женские башмаки на Украине и в некоторых южных областях России;

касандрейка (вор., тамб.) или **александрейка** — красная бумажная полосуха, на рубахи; красная бумажная ткань, с пропиткой другого цвета (белую, синюю, желтую), на крестьянские рубахи;

китайка — сорт гладкой, плотной, преимущественно синей хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая; потом хлопчатобумажная ткань, производившаяся в России;

венец (поэт. устар.) — головной убор девиц; девичья головная лента, повязка.

3. Историзмы, указывающие на принадлежность к определенному сословию, социальный статус:

купчиха — 1) жена купца; 2) женщина из купеческого сословия.

Уясняя общий смысл стихотворения «Женитьба Павла», только с опорой на значение устаревших слов читатель может судить о том, как щедр, внимателен к своей возлюбленной молодой крестьянин. Кроме того, у Пала есть возможность одарить свою возлюбленную и одеждой, и обувью, и еще сделать запас на будущее, т.е. «одеть с ног до головы».

В других стихотворениях поэта мы также можем обнаружить историзмы перечисленных выше тематических групп, например:

онучи — в русской крестьянской одежде — обмотка для ноги под сапог или лапоть, портянка;

лапти — плетеная обувь из лыка или веревок, охватывающая со всех сторон ступню ноги:

К старикам на сходку
Выйти приневолят —
Старые лаптишки
Без онуч обуешь

(«Вторая песня Лихача Кудрявича», с. 220);

Еще более часто, чем историзмы, в творчестве А.В. Кольцова мы встречаем архаизмы. Однако следует заметить, что, несмотря на достаточную удаленность эпохи, в которую жил и творил А.В. Кольцов, его произведения по своему духу, строю, словарю воспринимаются как вполне современные. Стихотворения не обременены такими словами и оборотами, которые могли бы затруднить их эстетическое восприятие. В то же время мы встречаемся с некоторыми архаическими элементами, внимание к которым способствует объяснению учащимся процессов изменения языковых норм, языковых элементов всех уровней, т.е. создает представление о развитии, движении языка.

В стихотворениях поэта в первую очередь можно выделить собственно лексические архаизмы:

очи — глаза:

И кто так пристально, среди ночи,
Вперял на деву страстны очи... («Путник», с. 84);

ланиты — щеки:

Ах, чья ты, дева-красота?
Твои уста, твои ланиты
Такою прелестью покрыты! («Прекрасной поселянке», с. 88);

чело — лоб:

К моим врагам на праздник шумный
С челом открытым гордо вышел ... («Примирение», с. 231);

ведать — знать:

На селе своем жил молодец.
Ничего не знал, не ведывал,
Со друзьями гулял, бражничал,
По всему селу роскошничал («Деревенская беда», с. 228);

лобзанье — поцелуй:

Хорош ли он? Вполне ли заменил
Огонь любви моей могучей
И силу страстного лобзанья
И наслажденья без конца («К милой», с. 221);

пилатить — мучить, тиранить, истязать:

Царь-ханжа летит, как вихорь,
С саранчою удалцов,
Москву-матушку пилатить —
Кушать мясо и пить кровь («Русская песня», с. 298);

ратовать — действовать или говорить в защиту или против кого-чего-н.:

Ты стоишь — поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею? («Лес», с. 210);

басурман — иноверец, иноземец (преимущ. о мусульманине):

И пришла она, незваная.
К царству сланному, Казанскому,
К басурману — хану лютому,
К своему недругу заклтому («Старая песня», с. 296);

стопа — сосуд для вина, расширяющийся кверху, чаша;

тать — вор, грабитель:

Отправишь стопу
Пировую всю
И уйдешь опять,
Как ночная тать,
Невидимкою ... («Горе», с. 245);

запрядать — запрыгивать, запрыгнуть; заскакивать, заскочить:

Вдруг сердечко пылкое
Зажглось, раскалилося,
Забилось и искрами
По груди запрядало («Повесть моей любви», с. 113);

всесветный (книжн., устар.) — всемирный, всеобщий:

Болит моя головушка,
Щемит в груди ретивое,
Печаль моя всесветная? («Пора любви», с. 217).

Обращение к словарному составу поэзии А.В. Кольцова, в частности к устаревшей лексике, несомненно, поможет приблизиться к пониманию современными студентами-иностранцами значения творчества поэта. Ведь в поэзии А.В. Кольцова мы находим «дух вечной жизни», «память минувших дней» и тот «светильник мудрости», который не дает нам заблудиться в недрах недоброго века.

Для понимания русского национального характера, истории и культуры русского народа не менее значимым является обращение к творчеству великого русского поэта — И.С. Никитина, входящего в тот поэтический круг, который образно называют «голоса земли Кольцова». Интересно для студентов-иностранцев, на наш взгляд, было бы знакомство со стихотворением И.С. Никитина «Воздадим хвалу Русской земле (Сказание о Мамаевом побоище)», в котором в образной форме представлены и история, и легенды, и идеалы русского народа. Полезная аналитическая работа может быть проведена со следующим фрагментом этого произведения:

Уж как был молодец —
Илья Муромец,
Сидел сиднем Илья
Ровно тридцать лет,
На тугой лук стрелы
Не накладывал,
Богатырской руки
Не показывал.
Как проведаль он тут
Долго сидючи,
О лихом Соловье
О разбойнике
Снарядил в путь коня:
Его первый скок —

Был пять верст, а другой —
Пропал из виду.
По коню был седок, —
К князю в Киев-град
Он привез Соловья
В тороках живьем.
Вот таков-то народ
Руси-матушки!
Он без нужды не вдруг
С места тронется;
Не привык богатырь
Силой хвастаться,
Щеголять удалством.
Умом-разумом.
Уж зато кто на брань
Сам напросится,
За живое его
Тронет не в пору, —
Прочь раздумье и лень!
После отдыха
Он, как буря, встает
Против недруга!..

Очевидно, что для правильного восприятия этого текста студенту-иностранцу необходимо «погрузиться» в мир русского фольклора. В первую очередь его следует познакомить со следующими именами собственными:

Илья Муромец — богатырь, один из главных героев русских былин, воплощение народного идеала героя-воина;

Соловей-разбойник — в русских былинах лесное чудовище, нападающее на путников и обладающее смертоносным свистом. Покорен Ильей Муромцем;

Киев-град — главный «стольный град» Древней Руси;

Русь-матушка — в древнерусской культуре получил распространение образ Русской земли, изображаемой в женском, чаще всего материнском, облике.

Нуждается в комментарии и ряд историзмов, отражающих реалии древнерусской эпохи и дореволюционной России, которые нередко встречаются и в других художественных произведениях:

верста — старинная русская мера длины, равная 500 сажням или 1,06 километра (применялась до введения метрической системы);

лук — оружие в виде гибкой дуги, которая стянута тетивой, для метания стрел;

торока — ремешки у задней седельной луки для привязывания чего-нибудь (ср.: торочить, приторочить).

Не менее значимо для понимания произведения и толкование следующих архаизмов:

брань — битва, сражение;

лихой (устар. и прост.) — приносящий беду, злой, тяжкий;

проведать — то же, что узнать.

Следует заметить, что образы, представленные в этом стихотворении И.С. Никитина (Илья Муромец, Соловей-разбойник, Русь-матушка и др.), оказались

в центре культурной жизни (особенно для юного поколения) в связи с тем, что огромную известность и любовь завоевали мультипликационные фильмы о русских богатырях («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» и др.).

Крестьянский быт и непростая жизнь русской деревни может быть представлена через стихотворение И.С. Никитина «Староста»:

Что не туча темная
По небу плывет —
На гумно по улице
Староста идет <...>
Пузо перевязано
Красным кушаком,
Плечи позатынуты
Синим кафтаном.
Палкой подпирается,
Бровью не ведет;
В сапоги-то новые
Мера ржи войдет <...>
Одаль да с поклонами
Мужички идут,
Ребятишки малые
Ко дворам ползут.
Утомился староста:
На гумне стоит,
Гладит ус и бороду
Да на люд глядит...

Это стихотворение позволяет объяснить такие устаревшие слова, которые непонятны не только студенту-иностранцу, но и многим носителям русского языка: **гумно** — отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб;

кафтан — старинная мужская долгополая верхняя одежда;

кушак — пояс, обычно из широкого длинного куска материи или шнура;

мера — сосуд для измерения сыпучих тел, четверик (устар. простореч.);

староста — выборное должностное лицо, выполнявшее административно полицейские обязанности в сельском обществе;

одаль нареч. (устар. и обл.) — поодаль, в стороне, в сторону.

Эти слова, отражающие русский деревенский быт, необходимо знать и понимать воспринимать смысл произведений и такого выдающегося русского писателя как И.А. Бунин, который также крепкими узами связан с Воронежской землей и русской деревней. Приведем один фрагмент знаменитого рассказа «Антоновские яблоки», чтобы наглядно это продемонстрировать:

Под старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные еще дедами. А у богатых мужиков — у Савелия, у Игната, у Дрона — избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках еще не было моды. В таких семьях водили пчел, гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприче-

ску; в пуньях и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками...

Разобравшись в этих шести предложениях, студент-иностранец значительно расширит свои представления о русском сельском быте и жизни русского крестьянина. Вот лишь некоторые лексические единицы, пояснение которых расширит кругозор человека:

амбар — строение для хранения зерна, припасов, вещей или товаров;

замашный — сделанный из домотканого холста;

омет — большая куча оставшейся после обмолота соломы;

овин — строение, приспособленное для огневой сушки хлебов в снопах перед молотьюбой;

пуня — сарай для хранения сена, мякины или для других хозяйственных надобностей;

рига — большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота.

Насыщенность текста словами этой тематической группы свидетельствует о том, что главной частью бытия русского человека был и остается труд, о котором русский народ сказал: «терпение и труд все перетрут»

В современных социокультурных и геополитических условиях обучение русскому языку как иностранному, вне всякого сомнения, является делом первостепенной государственной важности. Ведь русский язык на мировом уровне представляет собой реальную общественно-политическую, культурную, экономическую силу. Очевидно, что существенную роль в представлении духовного и интеллектуального опыта России на мировой арене несомненно будет играть дальнейшее продвижение образования на русском языке. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы кроме профессиональных знаний и информации все выпускники университета стали обладателями универсальных ценностей, воплощенных в русском слове, поскольку именно филологичность русской культуры (русская словесность) позволила ей получить всемирный отклик и признание, снискать уважение и любовь за ту радость духовного открытия, которую дает неповторимая русская культура, способная противостоять вызовам эпохи в глобализирующемся мире.

Филологическое образование призвано формировать полноценную сильную языковую личность; человека, утвердившегося в родном слове и способного увидеть мир через призму других языков; человека, широко мыслящего, духовно и нравственно крепкого, эстетически воспитанного, патриотически убежденного, устремленного к созиданию и творчеству, способного найти применение своим знаниям и обрести призвание, достойное человека. Это призвание должно заключаться и в уважении, любви к истинным ценностям, представленным в русском языке, глубоко и полно отражающем подлинно человеческие отношения к миру во всем его многообразии.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее все стихотворения цитируются по книге: Кольцов А.В. Стихотворения. — Воронеж : Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1972 [6].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аркадьева Т.Г., Кольцова Л.М., Кудрявцева Т.Ю., Панова М.В., Чуриков С.А. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2014. № 3. С. 14—20.
- [2] Байбурин А.К., Беловинский Л.В., Конт Ф. Полузабытые слова и значения: словарь русской культуры XVIII—XIX вв. / под ред. А.К. Байбурина, Н.И. Решетникова. СПб.; М.: Европ. дом: Знак, 2004. 679 с.
- [3] Баско Н.В., Андреева И.В. Словарь устаревшей лексики к произведениям русской классики. М.: АСТ, 2011. 680 с.
- [4] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958.
- [5] Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII—XIX веков / сост. Л.А. Глинкина. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1998. 277 с.
- [6] Кольцов А.В. Стихотворения. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1972. 359 с.
- [7] Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Крылатое слово А.В. Кольцова. Опыт словаря. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2012. 183 с.
- [8] Кольцова Л.М., Чуриков С.А. Поэтическое слово А.В. Кольцова в русской речи. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013. 144 с.
- [9] Лапынина Н.Н., Ковалева Л.В., Кольцова Л.М. Из истории культуры Воронежского края: учеб. пособие. 2-е изд., пераб. и доп. Воронеж, 2009. 118 с.
- [10] Рогожников Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII—XX вв. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2010. 828 с.
- [11] Словарь русских историзмов: учеб. Пособие / Т.Г. Аркадьева [и др.]; науч. ред. Т.Г. Аркадьева. М.: Высш. школа, 2005. 230 с.
- [12] Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М.: ВЛАДОС, 1996. 764 с.
- [13] Федоров А.И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка: около 20 000 слов и выражений. М.: Восток-Запад, 2012. 894 с.
- [14] Швецова О.А. «Пишу не для мгновенной славы: Для памяти минувших дней» (историзмы и архаизмы в языке А.В. Кольцова) // Филологические записки. Вып. 28—29. Воронеж, 2009. С. 134—143.

LINGUISTIC AND CULTURAL VALUE OF ARCHAISMS AND HISTORISMS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

L.M. Koltsova, T.Yu. Kudryavtseva, S.A. Churikov

The Chair of the Russian language
Faculty of Philology
Voronezh State University
Lenin sq., 10, Voronezh, Russia, 394006

The paper for the first time analyzes regional literary material to be used in teaching Russian as a foreign language. The authors analyze fragments of the works by A.V. Koltsov, I.S. Nikitin, and I.A. Bunin. It is necessary for foreign students to read the works in order to expand their knowledge about Russian history and culture. These ideas are formed through analysis of obsolete words.

Key words: linguistic and cultural studies, lexicology, archaisms, historicisms, regional culture, Russian as a foreign language

REFERENCES

- [1] Arkadjeva T.G., Koltsova L.M., Kudryavtseva T. Yu., Panova M.V., Churikov S.A. *Problema opisanija istorizmov i arxaizmov v sovremennoj leksokografii* [The problem of describing the meanings of the historicisms and archaisms in modern lexicography]. *Vestnik VGU. Serija «Lingvistika i mezhkulturnaja komunikacija»* [Proceedings of Voronezh State University. Series “Linguistics and intercultural communication”]. 2014, no. 3, pp. 14—20.
- [2] Bajburin A.K., Belovinskij L.V., Kont F. *Poluzabytyje slova i znachenija: slovar' russkoj kultury XVIII—XIX vekov* [Half-forgotten words and meanings : dictionary of Russian culture of the XVIII—XIX centuries] / ed. by A. Bajburina, N.I. Reshetnikova. St. Petersburg; Moscow: European house: Znak, 2004. 679 p.
- [3] Basko N.V., Andreeva I.V. *Slovar' ustarevshej leksiki k proizvedenijam russkoj klassiki* [Dictionary of obsolete words to works of Russian classics]. Moscow: AST, 2011. 680 p.
- [4] Dal V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. I—IV. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries, 1958.
- [5] *Illyustrirovannyj slovar' zabytyx slov iz proizvedenij russkoj literatury XVIII—XIX vekov* [Illustrated dictionary of forgotten and difficult words from the works of Russian literature of XVIII—XIX centuries] / comp. L.A. Glinkina. Orenburg, Orenburg Publ, 1998. 277 p.
- [6] Koltsov A.V. *Stixotvorenija* [Poems]. Voronezh: Central Chernozem Publ, 1972. 359 p.
- [7] Koltsova L.M., Churikov S.A. *Krylatoje slovo A.V. Koltsova. Opyt slovaryja* [Winged word A.V. Koltsov. Experience dictionary]. Voronezh: PPC VSU, 2012. 183 p.
- [8] Koltsova L.M., Churikov S.A. *Poeticheskoje slovo A.V. Koltsova v russkoj rechi* [Poetry of A.V. Koltsov in Russian language]. Voronezh: PPC VSU, 2013. 144 p.
- [9] Lapynina N.N., Kovaleva L.V., Koltsova L.M. *Iz istorii kultury voronezhskogo kraja: uchebnoe posobie* [From the history of culture of the Voronezh region: a tutorial]. Voronezh, 2009. 118 p.
- [10] Rogozhnikova R.P., Karskaja T.S. *Slovar' ustarevschih slov russkogo jazyka* [Dictionary of obsolete words of the Russian language. On the works of Russian writers of the XVIII—XX centuries]. Moscow: Drofa, 2010. 828 p.
- [11] *Slovar' russkih istorizmov: ucheb. posobie* [Dictionary of Russian historicisms: a tutorial] / T.G. Arkadjeva et al.; ed. by T.G. Arkadjeva. Moscow: High school, 2005. 230 p.
- [12] Somov V.P. *Slovar' redkih i zabytyh slov* [Dictionary of rare and forgotten words]. Moscow: VLADOS, 1996. 764 p.
- [13] Fyodorov A.I. *Tolkovyj slovar' ustarevschih slov i frazeologicheskikh oborotov russkogo literaturnogo jazyka: okolo 20 000 slov i vyrazhenij* [Dictionary of obsolete words and phraseologisms of the Russian literary language: about 20 000 words and expressions]. Moscow: Vostok-Zapad, 2012. 894 p.
- [14] Shvecova O.A. «*Pishu ne dlya mgnovennoj slavy: dlya pamyati minuvshix dnej*» (*istorizmy i arxaizmy v jazyke A.V. Koltsova*) [“I write not for an instant of glory: for the memory of days gone by” (the meanings of the historicisms and archaisms in the language of A. Koltsov)]. *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes]. 2009, no. 28—29, pp. 134—143.